

Повреждено наводнением 23 Сентября 1924 года
Endommagé par l'inondation du 23 Septembre 1924

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТОМ I

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНАУКА)
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (ГОСИЗДАТ)

ЛЕНИНГРАД
1925

И. Н. Березин, как турколог¹.

(1818—1918)

«Пожелаем, чтобы юное поколение продолжало с честью труды и знания своих предшественников, и чтобы почетный ряд русских ориенталистов умножался новыми деятелями».

Березин.

I.

В труднейшие дни разрушения прежних форм нашей жизни и беспримерно смелых попыток заменить их новыми на стенах Исторического Музея в Москве появилась изящная доска с вырезанными на ней знаменательными словами: «Уважение к древности есть несомненно один из признаков истинного просвещения». Мне, как и многим другим, всегда представлялось более значительным, чем только проявлением излишней сентиментальности или чего-нибудь подобного, выражение уважения к памяти и заслугам отошедших в вечность деятелей, хотя бы просто в виде краткого посвящения. Современное чествование столетия годовщины рождения профессора Ильи Николаевича Березина, являясь необходимым исполнением нашего культурного долга, дает кроме того повод подвинуть вперед начатое, но далеко не законченное дело оценки научного вклада Березина и определения его места в истории востоковедения, в частности — туркологии.

В напечатанном 23 года тому назад некрологе Березина проф. В. Д. Смирнов писал: «Не всестороннюю и решительную оценку личности, жизни и деятельности покойного И. Н. Березина мы намерены сделать над свежей могилой его, а только хотим отдать дань уважения учеников к учителю и исполнить долг товарищей товарищу по общему нашему ученому поприщу, кратким напоминанием о главнейших событиях в летописи его

---

¹ Сообщение, прочитанное в Заседании Восточного Отделения 7 мая 1919 г., посвященном памяти И. Н. Березина по случаю столетия со дня его рождения.

жизни и таким же указанием на итоги его ученой деятельности»¹. И при жизни Березина и после его смерти в газетах, журналах, энциклопедических и биографических словарях и юбилейных исторических очерках учреждений, в коих работал Березин, помещались сведения о нем с перечнем печатных его произведений и рецензий на них, но ни подробной оценки его научных заслуг, ни полного списка его трудов поныне не появлялось².

Разносторонне даровитый, предприимчивый, широко любознательный и образованный человек, мастер прозы и стиха, рисовальщик, публицист и администратор, популяризатор знаний, профессор сначала Казанского затем Петербургского Университетов, вообще один из видных русских культурных деятелей, главным образом, середины XIX века, Березин, как ученый востоковед, был преимущественно, но не исключительно мусульманистом без строго ограниченной специальности в отношении и научных дисциплин и этнологическо-культурных областей. Филолог с уклонами лингвистическим и еще более историческим, он работал также по фольклору, археологии и нумизматике; пранист и турколог, он затрагивал также изучение языка арабского с его диалектами, армянских наречий и пробовал даже заниматься языком малайским и языком второй категории клинообразных надписей. Монгольский и манджурский языки интересовали Березина не сами по себе, а в связи с языками турецкими и с монгольской историей.

Проведенное по широкому плану, самоотверженное трехлетнее путешествие Березина по Ближнему Востоку рано доставило ему европейскую известность в кругах специалистов. Совокупность его печатных трудов по различным областям востоковедения и деятельность его на факультете восточных языков Петроградского Университета, на котором он отстаивал против своего учителя проф. Казембека научно-теоретическое направление³, укрепили за ним право на почетное место в общей истории востоковедения. Такие факты, как избрание Березина почетным членом Петроградского Университета и Русского Археологического Общества и как включение его биографии в историю европейского востоковедения Дюга⁴, являются свидетельством высокого уважения к Березину со стороны его современников. Нам не удалось выяснить, при каких обстоятельствах

¹ ЖМНП, 1896, ч. 305, май, отд. IV, стр. 29—35.

² Венгеров, Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. III, СПб. 1892, стр. 66—69. См. также энц. словари Толя, Березина, Андреевского и др. Биогр. словарь професс. и преподават. Казанск. Унив-та (1804—1904) под ред. Загоскина. ч. I, стр. 219—221. Дальнейшие указания в последующих сносках.

³ Материалы для истории Факультета восточных языков, т. IV (СПб., 1909), стр. 114, 176.

⁴ Dugat, Histoire des orientalistes de l'Europe, t. II (1870 г.), стр. 15—20.

Березин незадолго до своей смерти был избран вице-президентом общества «Education» в Чикаго¹.

Существует три типа ученых востоковедов. У одних научный интерес сочетается с любовью к странам и народам Востока. Для других Восток служит предметом ревностного объективного исследования и только. Третьи, признавая важным и интересным изучение Востока или из общенаучных соображений, или для более узких целей, например, в связи с изучением родной страны и для пользы последней, не любят ни стран, ни народов Востока. И по содержанию, и по тону описаний Востока в произведениях Березина можно заключить, что он принадлежал к третьему типу. Сенковский писал про Березина²: «мы знаем, что „путешественник по Востоку“ не может говорить о восточных предметах без особенного расположения к шутливости, к насмешке, к карикатуре».

Родившись и проведя полжизни в полуазиятских Пермском крае и Казани, Березин был проникнут сочувствием к европеизму. Подлинные цитаты из западно-европейских авторов в описании путешествия по Востоку доказывают, что Березин рано ознакомился с главнейшими западно-европейскими языками. Наиболее близок Березину был французский язык, на котором он издал некоторые свои работы. Савельев упрекал Березина в пристрастии к французским словам при изложении его впечатлений о Востоке³. По рассказам В. Д. Смирнова в доме Березина, в Царском Селе, была принята французская речь.

Сердце Березина принадлежало всецело отечеству, причем патриотизм его имел некоторый уклон к западничеству. Здесь, может быть, уместно вспомнить то место очерка Березина «В каравансараяе», где по поводу беседы с персом, хвалившимся персидской самобытностью, вспоминается «тупоумное возражение наших руссофилов»⁴.

Если придавать значение личным признакам Березина, которые он обронил в своих повествованиях, ему были присущи два характерных для многих русских людей свойства: лень, которая, как известно, совместима с живостью и энергичностью, и скептицизм. Эти свойства, наряду с другими обстоятельствами, может быть, объясняют то, что Березин неоднократно не доводил до конца своих научных начинаний, что востоковедение с некоторой поры утратило первое место в кругу его культурных инте-

---

¹ Биограф. словарь професс. и преподават. СПб. Унив-та за 1869—94 гг., том I, 1896 г., стр. 47—48.

² Библиотека для чтения, т. 106 (1851 г.), отдел критики, стр. 2.

³ ЖМНП, 1850, т. 65, стр. 118.

⁴ Русский Вестник, XXV, стр. 708.

ресов и что вообще Березин далеко не использовал в своей деятельности всей полноты своих недюжинных дарований.

Мы плохо почтили бы его память, если бы вместо беспристрастной характеристики его личности и трудов, воспели ему панегирик.

II.

Обращаясь после этих общих отрывочных замечаний к обозрению туркологической деятельности Березина, мы начнем с работ чисто-лингвистического характера.

В «Плане учебного путешествия по Востоку магистров Казанского Университета Диттеля и Березина» проф. Казембек писал (стр. 25): «Исследования лингвистические предпочтительно рекомендуются г. Березину, который составлением опыта Персидской грамматики доказал уже начальству свою несомненную склонность к этому роду занятий». Первая печатная работа Березина, появившаяся в Ж. М. Н. Пр. за 1839 год: «Замечания о слове „куркан“» показывает, что интересы Березина одновременно устремлялись и на лингвистику, и на историю, последующие же его труды убеждают нас в том, что раздвоение это не было временным. В лингвистике наименее всего привлекала к себе внимание Березина фонетика. Нельзя попутно не отметить недостаточную восприимчивость Березина к звукам языков; так, например, очевидно под влиянием казанко-татарского произношения он исправлял в «Urdek» и «dürt» правильные начертания османских слов «Oerdék» и «doert» в «Asia polyglotta» Клапрота¹ и приводил имя известного героя приключений и певца Кюр-оглу в форме Кур-оглу².

Служение Березина туркологии началось еще в студенческую пору, когда он перевел на русский язык грамматику османского языка Жюбера. На основе этого перевода Казембек создал прославившуюся в свое время «Граматику турецко-татарского языка». Став в 1846 г. профессором Казанского Университета, Березин приступил к преподаванию турецких языков, которое он перенес в 1854 г. на вновь тогда учрежденный факультет восточных языков Петербургского Университета. В том же 1846 году Березин напечатал «Дополнение к тюркской грамматике» своего учителя, переведенное Ценкером на немецкий язык. Дополнение это, состоящее из 89 пунктов, свидетельствует о накоплении его автором большого запаса сведений и наблюдений по османскому и некоторым другим

---

¹ Recherches sur les dialectes musulmans, I (1848 г.), стр. 19.

² Путешествие по северной Персии (1852 г.), стр. 90.

турецким языкам в ту эпоху, когда турецкое языкознание находилось в Европе в зачаточном состоянии, по вместе с тем Березин обнаруживает в своем произведении полное отсутствие специальной лингвистической подготовки, которой он в школе получить не мог и которой он не приобрел и впоследствии путем изучения существовавшей в его время литературы, как это сделал другой блестящий ученик Казембека, бывший 3-ми годами моложе Березина, Ильминский.

В следующем 1847 г. вышел в свет «Обзор трехлетнего путешествия по Востоку», из которого мы узнаем (стр. 9), что во время путешествия автор собрал материалы для обширной турецкой хрестоматии и что в пору составления отчета он был занят выяснением отношения турецких языков к монгольскому и маньчжурскому с целью определить точным образом «первобытный характер» турецкого языка, «еще не подвергшийся влиянию Ислама и его идей». В отчете приводится очерк полной системы «мусульманских диалектов» из начатого автором «общирного сочинения об этом предмете» (стр. 10). Турецкая часть этой системы, вышедшая в следующем 1848 г. в подробном изложении на французском языке, излагается в отчете кратко под заголовком: «Тюркский язык. Род в великом семействе Монголо-Финских языков». Прежде чем переходить к отзыву о подробном изложении этой части системы, свожу воедино упоминания о турецких диалектах в других работах Березина. В «Годичном отчете путешествующего по Востоку» имеется отдел: «Тюркские наречия» (стр. 23—32). За весьма поверхностной характеристикой азербайджанского наречия приводятся сведения о наречии астрабадских туркменов, или, как писал Березин, «тюркмелов» без указания, йомудское наречие изучал он, или гокланское. Сообщение это, при всей своей краткости, является первой по времени попыткой в европейской литературе пролить свет на наречия туркменских племен, и поднесь малоизвестные. О наречиях тарковском, дербендском и бакинском, названия коих приведены в «Годичном отчете» (стр. 38), сведений не дано, характеристики же их в «Путешествии по Дагестану и Закавказью» написаны в несерьезном духе, как явствует, например, из отзыва о тарковском наречии: «По всем возможным исследованиям и справкам оказалось, что здешнее наречие одно из самых грубых северных тюркских наречий, что здесь грамматика в большом презрении, что здесь попррают логику тюркского языка. Вот с какими горцами столкнулся я в первый раз! Это чистые тираны, варвары, но только с своим собственным языком. Бедный тюркский язык! Плохое тебе житье в Тарху» (часть I, 59). Какие интересные данные по турецким наречиям мы имели бы со времен путешествия Березина, если бы он должным образом принялся за их изучение,

можно судить по одному примеру. В том же «Путешествии по Дагестану и Закавказью» приводится в совершенно грубой русской транскрипции «дагестанско-азербейджанская поговорка» про съедобное растение «семени», и в этой поговорке видим форму «джуджертъгрэм» (дѳѳертігрім), отмечающую наличие в некоторых азербейджанских говорах звука «ѳ» вместо смягченного «г», факт, оставшийся неизвестным позднейшим туркологам (ч. II, 123).

Первым более крупным произведением Березина по турецкой лингвистике была работа «Système des dialectes turcs», составляющая I часть его неудачно названной серии «Recherches sur les dialectes musulmans». Березин, как и Радлов, не любил давать своим работам залеживаться, готовя и издавал их с большой поспешностью. Ильминский в одном из своих писем к Березину, хранящихся в Азиатском Музее, назвал эту черту его характера «быстролетностью». Поспешностью выполнения отмечена и «Система турецких диалектов», которую сам автор признавал недостаточно научной; он говорит в предисловии: «впрочем, эта работа есть только собрание материалов для четвертой части, где они будут анализированы и пополнены в большем соответствии с филологической наукой» (стр. IX). Отрицательный отзыв об этой работе Бетлингга¹ несколько испорчен двукратным полупрезрительным повторением слова *Werkchen* — «произведеньице». Не сочувствовал этой работе и Ильминский, правильно полагавший, что² «нужно прежде всего привести в известность отдельные наречия и каждое вполне. Из специальных монографий, без всякого спора и натяжек или предположений произвольных, откроется взаимное отношение наречий, обозначатся стороны, с которых должно классифицировать их». И теперь, прибавим от себя, многого еще не достаёт для установления подробной системы турецких языков и наречий. Не в только что упомянутой работе Березина заслуга его пред туркологией, и напрасно его ученик Максимов пытался защищать ее³. Четвертая, неосуществленная часть «Recherches» должна была содержать «изложение отличительных признаков турецкого языка, его отношений к другим языкам Северной Азии и критические замечания на систему турецких диалектов»: имелась, следовательно, в виду работа, упоминавшаяся в «Обзоре трехлетнего путешествия». Классификация Березина уже почти с момента ее обнародования представляет лишь исторический интерес, как все же наиболее обоснованная сравнительно

---

¹ Ueber die Sprache der Jakuten, стр. XXXIV, сноски 77.

² Вступительное чтение, стр. 20.

³ Опыт исследования тюркских диалектов в Худавендгаре и Карамани, СПб. 1867, стр. 9.

с другими ранее ее предложенными классификациями, которые воспроизведены Березиным с критическими замечаниями перед собственной.

Свои познания в турецких и монгольском языках Березин пытался применить к решению вопроса об языке второй категории клинообразных надписей. Березин находил в этом языке, как и некоторые другие исследователи, многие свойства «монголо-тюркского семейства языков» и был «готов назвать вторую клинообразную систему Туранскою» (стр. 138, 139). Посвященная этому вопросу статья его¹ тоже представляет лишь исторический интерес.

Я не нашел сведений о результатах поездки Березина в пятидесятых годах в Тобольск для изучения наречий сибирских татар². В те же годы, живя еще в Казани, Березин принял участие, вместе с Григорьевым, Казембеком, Петровым, Шегрепом и Бобровниковым в выяснении восточных элементов русского словаря³. Затронутая ими впервые тема, особенно интересная для русских востоковедов, как известно, остается неразработанной окончательно и поныне, хотя она привлекала к себе внимание и последующих туркологов: проф. В. Д. Смирнова, акад. Э. Е. Корша, проф. П. М. Мелноранского.

III.

Если некоторых из нас упрекают в якобы излишнем расширении круга лиц, которым в предисловиях выражается благодарность за содействие, то Березина приходится упрекнуть в скупости на указания помощников и сотрудников в таких его научных предприятиях, как «Библиотека восточных историков» и «Турецкая хрестоматия». Только по бумагам Березина, хранящимся в Азиатском Музее, можно поэтому до некоторой степени судить о той весьма важной части деятельности ученого, которая состоит в организации научных сил и в использовании для научных целей возможно широкого круга лиц. Только из писем Ильминского к Березину мы узнаем о том крупном участии, которое Ильминский принимал некоторое, по крайней мере, время в судьбе трудов Березина.

Упомянутые издания и труды по ярлыкам, не смотря на все их недостатки, объясняемые как малерою Березина работать, так и состоянием во

---

¹ Клинообразные надписи второй системы, Зап. Арх. Общ., т. V, стр. 137—150.

² Биогр. словарь професс. и преподав. Каз. Унив-та под ред. Загоскина, I (Казань, 1901), стр. 219—221.

³ Матер. для сравн. и объяснит. словаря русск. яз. (СПб. 1852), стр. 186 (Изв. Ак. Наук по Отд. Русск. яз. и словесности, т. I).

времена Березина туркологии, являются наиболее ценной частью его вклада в сокровищницу нашей науки.

«Библиотека восточных историков» состоит из трех томов, из коих два принадлежат Березину, третий — Саблукову, четвертый — неизданный — подготовлялся, судя по бумагам Березина, Холмогоровым. Первый том содержит в себе издание и перевод с примечаниями памятника, или, вернее, двух памятников среднеазиатско-турецкой литературы, второй — издание без перевода памятника поволжско-татарской исторической литературы. Ни самим Березиным, ни последующими туркологами не отмечено значение этих памятников для истории чагатайского и поволжско-татарского литературных языков.

Березин назвал первый памятник «Шейбанадой», основываясь на упоминании в конце сочинения названия «Шейбан-намэ». Сам Березин обратил внимание на то, что третья часть этого сочинения не предусмотрена предисловием, упоминающим только две части. Различие в языке между первыми двумя частями и третьей в связи с только что указанным обстоятельством приводит нас к мысли, что перед нами не один, а два памятника, из коих только второй является «Шейбанадой».

Второй, поволжско-татарский памятник свидетельствует о том, что еще в XVII веке в литературном языке поволжских татар сохранялись архаизмы, не находимые в чагатайском языке уже с XVI века и даже несколько ранее, а также о том, что уже в XVIII в. на литературном поволжско-татарском языке сказывалось османское влияние. В предисловии ко II тому своей «Библиотеки» Березин сообщает, что Ильминский приготовил русский перевод татарского текста, а из писем Ильминского к Березину мы узнаем, что он слыхал начало сочинения, являющееся переводом из истории Рашид-ед-дина, с персидским подлинником, читал корректуры и указывал издателю его промахи. I том «Библиотеки» вышел непосредственно вслед за «Системой турецких диалектов», в 1849 году, II том — в 1854 году. С 1850 г. начали выходить работы об ярлыках, о которых речь впереди. Издание «Библиотеки», как и «Recherches», осталось незавершенным.

Обещанная в 1847 году, в «Обзоре трехлетнего путешествия» «Турецкая хрестоматия» начала выходить в свет только с 1857 года, когда Березин жил уже в Петербурге. Березин приступил к ознакомлению европейских ориенталистов с материалами по турецким наречиям значительно ранее Радлова, но то обстоятельство, что Березин избрал для транскрипции текстов арабский алфавит, непригодность коего для этой цели признавалась и им самим (стр. VIII предисловия), вместо русского или латинского,

обесценило, как справедливо отметил Шифнер¹, его обширный труд в отношении лингвистическом, сохранив однако за ним поныне значение историко-литературное и фольклорное. Как и Будагов (см. его словарь), Березин передавал арабским алфавитом, ради единообразия, даже образцы наречий сибирских турков не-мусульман (предисловие, стр. VIII-IX), но эти тексты остались неизданными.

В III томе, вышедшем в 1876 году, оказалось несколько текстов в русской транскрипции, но 2-ой выпуск II тома, вышедший в 1890 году, содержит тексты по-старому исключительно в арабской транскрипции. Из материалов, собранных во время трехлетнего путешествия, в печатную редакцию хрестоматии не вошло ничего или вошло очень мало, и в предисловии к хрестоматии Березин вовсе не упоминает об этих материалах, а сообщает о новом обстоятельстве: «во время издания моей Библиотеки я собрал со всех сторон тексты на различных турецких диалектах, употребляемых в Сибири, Туркестане и Европейской России. Это собрание стало постепенно достаточно богатым, что и побудило меня приступить к изданию Турецкой Хрестоматии» (стр. VII).

Добывая свои материалы Березин не сам, а чрез корреспондентов, из коих в предисловии упоминается только известный исследователь Сибири, князь Костров (стр. IX), а в сноске к тексту (I, 22) профессор В. П. Васильев. И это предприятие Березина осталось незаконченным. Первоначально предполагалось (стр. VII) издать два тома текстов, один том грамматических, исторических и иных примечаний и том со словарем в русском и французском переводах. Вышло только 3 тома текстов, а от остальных задуманных томов и материалов не сохранилось. Наибольшим объемом отличается I том (375 стр.), посвященный почти исключительно среднеазиатско-турецкому литературному языку, начиная с «Кутадгу-билиг», и поныне, не смотря на обилие опечаток, ценный некоторыми нигде неизданными текстами, например, извлечениями из сочинений Мир-Али-Шира-Неваи, особенно-же отрывком из ныне принадлежащей Азиатскому Музею рукописи: стихотворного религиозного наставления Бабура «Мубейн». Образцы литературных языков имеются и во II томе, посвященном наречиям: узбекскому, туркменскому, каракалпацкому, астраханских и казанских татар (209 стр. в 2 выпусках). В III томе представлены наречия: башкирское и киргиз-казакское. Образцы наречий ногайского, кумыцкого, мещеряцкого и сибирских турков, обещанные в предисловии к I тому (стр. XVI), в хрестоматию не вошли. Об отношении к «Хрестоматии» современ-

---

¹ Предисловие к работе А. Кастрена «Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre», стр. XVIII—XIX.

ников Березина можно судить, кроме упоминавшегося выше отзыва Шифнера, и по письму Ильминского к акад. Дорну от 4 января 1864 г. (письмо хранится в Аз. Музее): «как необходимо тексты поверять самому на месте, этому лучшим доказательством служит то, что в хрестоматии Ильи Николаевича Березина так названная *Трухменская* сказка ни мало не походит на трухменское [наречие], а представляет весь характер киргизский, только темного подмалевавший татарскою рукою. После этого извольте верить этим текстам, без надлежащей критической осторожности».

Изданию хрестоматии Березина предпослал в 1846—50 годах «Описание турецко - татарских рукописей, хранящихся в библиотеках С.-Петербурга». Часть этого описания, касающаяся Азиатского Музея, не утратила и поныне, за отсутствием печатного каталога, некоторого значения. Две поездки Березина в Париж и Лондон для занятий в тамошних библиотеках не оставили следа в туркологических его работах.

Дополнением к фольклорным материалам «Хрестоматии» служит обширная статья Березина в «Библиотеке для чтения»: «Народные пословицы турецкого племени», в коей представлены в русском переводе пословицы османских турков, поволжских татар, киргиз-казаков и др. турецких народов.

IV.

С особой охотой направляя свое внимание на материалы, одновременно удовлетворявшие обе его склонности: и к филологии с уклоном лингвистическим, и к истории, Березин наряду с изданием «Библиотеки восточных историков» предпринял серию работ по ярлыкам. Значительно ныне устаревшие работы эти выдвинули в свое время Березина, как первого специалиста в этой области.

Главнейший труд Березина по ярлыкам состоит из четырех частей: I — издание в уйгурской и арабской транскрипциях с переводом на русский язык и с подробными филологическими примечаниями ярлыка Тохтамыша Ягайле; II — обработка по тому-же плану ярлыков Тохтамыша Бек-хаджию, Тимур-Кутлуга и Саадет-Гирея; III — брошюра «Внутреннее устройство Золотой Орды» на основании ярлыков. Второе, расширенное издание этой части под заглавием «Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева» послужило для автора докторской диссертацией; IV — «Тарханские ярлыки, данные ханами Золотой Орды русскому духовенству». Последняя часть была напечатана в редактировавшихся некоторое время Березиным «Казанских Губернских Ведомостях» (1852, № 22), а затем вышла

отдельными оттисками. Издание ярлыков было выполнено с применением филологической критики в такой мере, какой мы не находим ни у Ярцова, ни у Казембека, ни у Вамбери в их работах по ярлыкам, ни даже у занимавшегося ярлыками позднее всех Радлова. Недостаточное все же пользование в частности сравнительным методом было причиной некоторых допущенных Березиным промахов. Этим же главным образом объясняется и включение в обе редакции очерка внутреннего устройства Золотой Орды ряда несуществовавших в действительности должностей и повинностей. При тогдашней скудости словарных и иных пособий исследователь не мог преодолеть многих трудностей языка ярлыков, которые и при современном состоянии туркологии не поддаются полному истолкованию. Н. И. Веселовский писал в своей напечатанной в 1909 году работе¹: «Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханам Золотой Орды русскому духовенству»: «документами этими (после Григорьева) никто, кроме Доржи Банзарова... не интересовался, с целью подвинуть начатое дело дальше». Таким образом оказался забытым Березин, который своевременно дал правильные толкования трех выражений из разъясняемых в работе Н. И. Веселовского: «дарык» (тарих), «арам» (название уйгурского месяца) и «желтая трость» (Камышин).

Разбор некоторых крымских ярлыков был помещен Березиным в Записках Одесского Общества Истории и Древностей.

В общем, из задуманной Березиным серии работ по туркологии увидели свет преимущественно материалы, а не исследования.

V.

Заканчивая свое сообщение о Березине, как туркологе, я должен коснуться вопроса, к которому возвращался неоднократно, затронув его впервые в пекрологе П. М. Мелпораского — о слове «тюрк» в русском языке. Принято думать, что его ввели в наш обиход немцы. Насколько мне пока удалось проследить, Тредьяковский, Карамзин, Сенковский называли совокупность родственных османцам народов и племен *турками*. Слово «тюрк» ввел впервые едва-ли не Казембек, который вообще отличался слабостью к букве «ю» и писал: «мюхтасар», «мюсюльманин», «тюрк» и даже «Дюктамьш». Григорьев и Березин употребляли в одном и том же значении оба слова: и *турок* и *тюрк*. Последнее слово восторжествовало было над первым к концу XIX века, будучи принято и в академических из-

---

¹ Записки Русск. Географ. Общ. по Отдел. этнографии, т. XXXIV (Сборник в честь Потанина), стр. 526.

даниях, но с 1907 приблизительно года началось решительное восстановление в прежних правах слова *турок*, и ныне слово *тюрк* в работах и в речи востоковедов почти вовсе не встречается. Летом 1918 года от него отказался и проф. В. Д. Смирнов. Сенковский употребил слово *тюрк* рядом с *турок* с оговоркой «или пожалуй» в рецензии на «Шейбаниаду» Березина¹. В работах последнего слово «тюрк» преобладало в ранний, казанский период его деятельности, когда он был далек от петроградских немцев, в Петрограде же он все более и более переходил на слово «турок», усвоенное некогда славянами, и в том числе русскими, от византийцев.

Березин ступил на поприще туркологии в неудачный момент, накануне смены средневековья нашей науки новой историей. В сороковых и пятидесятых годах Березин был одним из виднейших туркологов Европы, с шестидесятых годов, когда в туркологии на первый план на много лет выдвинулось изучение живых наречий в духе новых требований научного языкознания, Березин оказался в тени, будучи слишком связан с отжившей эпохой, несмотря на присущие ему в известной доле независимость и самостоятельность. Историк науки может только с глубоким сочувствием отметить несомненный трагизм такого положения.

Березину одному из первых открылись цели туркологии, далекие от нас и поныне, но ему не удалось преодолеть подступов к путям достижения этих целей. Преодолея подступы Бетлинг. Ильминский мощно двинулся было по верному пути к открытым уже целям, но иное призвание отвлекло его решительно в сторону. Радлову суждено было возглавить новую эпоху нашей науки.

В лучших трудах Березина по туркологии, увековечивших его имя, как одного из пионеров в этой области знания, мы должны видеть завет: усугубить изучение литературных языков чагатайского и поволжско-татарского, значительно вытесненных из поля зрения современных туркологов новейшими материалами как по живым наречиям так и по старо-турецким письменностям, и не забывать среди ценных памятников истории турецких языков про многочисленные ярлыки.

А. Самойлович.

Петроград. Апрель 1919 г.

---

¹ Библия для чтения, т. 106 (1851 г.), отдел критики, стр. 10.